

Anatoly A. Fomin

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Onomastics in Pushkin Studies: The Names *Larin*, *Larina*, *Lariny* in *Eugene Onegin*

Voprosy onomastiki, 2021, Vol. 18, Issue 2, pp. 156–176

DOI: 10.15826/vopr_onom.2021.18.2.024

Language of the article: Russian

Фомин Анатолий Аркадьевич

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

Ономастическая пушкиниана: о поэтонимах *Ларин*, *Ларина*, *Ларины* в романе «Евгений Онегин»

Вопросы ономастики. 2021. Т. 18. № 2. С. 156–176

DOI: 10.15826/vopr_onom.2021.18.2.024

Язык статьи: русский

Downloaded from: <http://onomastics.ru>

named after the first President
of Russia B.N.Yeltsin

ИНСТИТУТ
РУССКОГО
ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ПУШКИНИАНА: О ПОЭТОНИМАХ ЛАРИН, ЛАРИНА, ЛАРИНЫ В РОМАНЕ «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

В статье рассмотрены поэтонимы *Ларин*, *Ларина*, *Ларины*, называющие персонажей пушкинского романа «Евгений Онегин». Автором статьи ставится цель выявить важнейшие факторы, обусловившие выбор этой фамилии Пушкиным при именовании членов данной семьи. Для достижения цели устанавливается референция каждого из поэтонимов, прослеживается их распределение в тексте, анализируются контексты первичной и повторной номинации персонажей и определяются элементы смыслообразующего потенциала поэтонимов, реализованные при характеристике и авторской оценке персонажей. Выявляются шесть факторов, обусловивших художественную значимость поэтонимов и, соответственно, их выбор писателем. Первым фактором является узуальность онима, которая важна для реалистичности, достоверности изображаемого художественного мира произведения. Вторым значимый фактор — словообразовательная модель онима. Фамилия *Ларин* происходит от народных антропонимических форм *Ларя*, *Лара*, которые, в свою очередь, произведены от личного имени *Ларион*, восходящего к антропониму *Иларион* (от др.-греч. ἰλάρως ‘веселый, радостный’). Третий фактор — возможность использования для характеристики персонажа этимологического значения личного имени *Иларион*. Четвертый фактор — ее ассоциативная активность, т. е. способность образовывать ассоциативные ряды, позволяющие в общем контексте произведения характеризовать носителей фамилии. В ассоциативном фоне поэтонимов можно выделить два ряда: *Ларин* (-а, -ы) — *ларь* и *лары*. Оба этих разнонаправленных ассоциативных ряда имеют характеризующую значимость, определяя восприятие поэтонимов читателем. Пятый фактор — слоговая структура фамилии. Мужская форма *Ларин* представляет

собой хорейческую стопу, женская и коллективная формы *Ларина / Ларины* образуют дактилическую стопу. Обе они легко укладываются в четырехстопный ямб, которым написан пушкинский роман. Шестым фактором является фонетический облик фамилии. Проведенные вычисления фоносемантического ореола поэтонимов убеждают в наличии у их экспонентов положительных оценок по ряду шкал. Положительная аксиологическая окраска данных поэтонимов контрастирует с негативной окраской наименований других помещиков, что согласуется с авторской оценкой персонажей.

Ключевые слова: литературная ономастика, поэтическая ономастика, литературный оним, поэтоним, имя собственное в художественном тексте, поэтика онима, фоносемантика, ассоциативный фон поэтонима, Пушкин, «Евгений Онегин».

В свое время Д. Д. Благой высказал мнение, что именно с романа «Евгений Онегин» в русской литературе «началось и получило наиболее глубокое и всестороннее выражение становление нового, реалистического метода» [Благой, 1960, 539]. Переход к реалистическим принципам отображения действительности потребовал от автора романа, наряду с прочим, новой стратегии ономастического обозначения его персонажей. Для этой цели в равной мере не годились ни привычные в классицистических произведениях так называемые «говорящие имена», с их прозрачной внутренней формой, прямо характеризующей носителя имени по его «главному» качеству, ни условные, литературные, лишенные пространственно-временной конкретики имена в произведениях сентименталистов, ни яркие, экзотические имена романтической литературы. Понятно, что реалистический роман из русской жизни, как его задумал Пушкин, не мог использовать в качестве основного средства, определяющего стратегию ономастической номинации, прием прямой характеристики важнейших персонажей их именами.

Во-первых, герои изображались в реальной сложности, разноаспектности, противоречивости их характеров, и поэтому имя, прямо указывающее на какое-то одно качество героя, не просто суживало бы его образ, а в сущности, разрушало бы всю авторскую концепцию произведения. Во-вторых, в соответствии с авторским замыслом главные герои романа не могли представлять собой застывшие раз и навсегда образы-слепки, а должны были изображаться в процессе жизненной эволюции, меняющей многие черты персонажей. Однако прямо характеризующее имя, изначально сообщая читателю о готовой, открыто заявляемой и при этом исчерпывающей авторской характеристике персонажа, препятствовало бы планомерному развитию его образа и тем самым входило бы в очевидное противоречие с общим принципом естественного динамизма, свойственным художественному миру пушкинского романа. Такое имя могло быть дано разве что эпизодическому персонажу, а не герою, изображаемому в его эволюции.

В-третьих, персонажи рисовались на фоне объективно изображаемой социальной среды, продуктом которой они в известной мере являлись и которая

была никак не менее важна для авторской концепции, чем внутренний мир и действия героев. Это предъявляло определенные требования к формированию хронологической структуры произведения (неслучайно Пушкин в примечании подчеркивал, что время в его романе «расчислено по календарю»), и в частности к именам собственным, выполняющим в тексте функцию прямых или косвенных хронологических знаков. Так, реалистически изображаемые персонажи предполагали отбор реалистически достоверных наименований, используемых в тексте в соответствии с существующими нормами и моделями русского ономастикона. Лишь при условии формирования ономастического фона произведения, отвечающего требованиям должной достоверности, в него могли быть включены элементы, контрастирующие с этим фоном и сигнализирующие о переключке пушкинского текста с текстами других авторов или целых литературных направлений.

Вместе с тем отказ от прямой, «лобовой» характеристики персонажа через его имя, разумеется, не означал полного отказа от использования характеризующего потенциала антропонимов, превращения их в пустые этикетки, т. е. в абсолютно произвольные, ни в каком отношении не мотивированные качества персонажей знаки, авторской волей навязанные их носителям. Характеризация персонажей через их имена в реалистическом романе должна была сохранить свой статус художественного приема, но стать менее откровенной, демонстративной и навязчивой, а для этого ее следовало перевести из сферы открыто декларируемой авторской воли, не позволяющей читателю себя не заметить, в сферу деятельности активного читательского сознания, осторожно проявляющего интенции автора и как бы догадывающегося о неочевидном смысле наименования. В этом плане уход романа от назойливой назидательности, прямой дидактики, углубление и усложнение подтекстных смыслов требовали от писателя решительного размежевания с классицистической традицией прямой ономастической характеристики персонажей. Значение, придаваемое Пушкиным именам романских персонажей, отчетливо видно из того, что традиционные «говорящие» имена, которые были использованы Ф. В. Булгариным в его нашумевшем романе «Иван Выжигин», вышедшем в 1829 г., а также в некоторых других его произведениях, послужили для поэта поводом к специальному критическому замечанию в статье «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов»:

В самом деле, любезные слушатели, что может быть нравственнее сочинений г. Булгарина? Из них мы ясно узнаем: сколь не похвально лгать, красть, предаваться пьянству, картежной игре и тому под. Г-н Булгарин наказует лица разными затейливыми именами: убийца назван у него Ножевым, взяточник — Взяткиным, дурак — Глаздуриным и проч. Историческая точность одна не позволила ему назвать Бориса Годунова Хлопоухиным, Дмитрия Самозванца Каторжниковым, а Марину Мнишек княжною Шлюхиной; зато и лица сии представлены несколько бледно [Пушкин, 1962, 80–81].

Заметим, что болгаринский роман выходит как раз в тот момент, когда Пушкин дописывает «Онегина» и для него весьма актуальны вопросы реалистического изображения персонажей, и в частности выбора имен для них. Персонажи «Ивана Выжигина», носившие прямо характеризующие их фамилии (аристократ *Гологордовский*, офицер *Миловидин*, прокурор *Скотинко*, соискатель прокурорской должности *Плутягович*, аферист *Вороватин* и т. д.), словно бы перенесенные со страниц классицистических произведений, не устраивали Пушкина ни с точки зрения соответствия их наименований реальному антропонимикону русского языка, ни с точки зрения их художественных функций.

Итак, в процессе работы над романом перед Пушкиным остро встает проблема поиска ономастической стратегии как совокупности основных принципов, определяющих выбор и использование имен собственных для номинации индивидуализируемых объектов художественного мира. Овладение диалектикой художественного мышления и реалистическим методом изображения действительности закономерно вело автора к поиску новых приемов раскрытия смыслообразующего потенциала поэтонимов.

Попробуем продемонстрировать эти приемы на примере фамилии *Ларин*, которая встречается в тексте также в формах *Ларина, Ларины* и которая принадлежит в романе членам известного семейства. Будем считать эти формы одной фамилии разными поэтонимами, поскольку различны как их референты, т. е. объекты художественного мира, ими называемые, так и их концепты, образуемые на основе формируемого читателем представления о носителе фамилии. Вместе с тем объединим их в нашем исследовании, так как они характеризуются большой степенью общности и в собственно лингвистическом аспекте, и в плане выражения ими художественных смыслов.

Начнем с установления референциальной отнесенности поэтонимов. Для этого напомним микроконтексты, в которых поэтонимы вводятся в текст. В общей сложности фамилия *Ларин* в разных своих формах встречается в романе восемь раз. Впервые она в сочетании с личным именем появляется в 36-й строфе второй главы, в тексте эпитафии:

Он был простой и добрый барин,
И там, где прах его лежит,
Надгробный памятник гласит:
Смиренный грешник, Дмитрий Ларин,
Господний раб и бригадир,
Под камнем сим вкушает мир.

Как видим, первичная номинация фамилией непосредственно относится к отцу семейства. Однако уже с момента введения в текст фамилия может быть распространена на жену и дочерей персонажа посредством импликации, опирающейся на наше знание ономастической практики того времени (девушка, выходя

замуж, как правило, должна была принять фамилию мужа; дети, рожденные в законном браке, обычно получали фамилию родителей, т. е. в конечном счете фамилию отца). Аналогичным образом для Татьяны и Ольги может быть осуществлена импликация отчества *Дмитриевна*, несмотря на то что ни та ни другая по отчеству в романе не именуется ни разу. Отметим попутно, что девичья фамилия супруги Ларина в тексте не дана; первичной ономастической номинацией для нее является принятая после брака фамилия мужа.

Еще раз антропоним упоминается в первой строфе третьей главы, в диалоге Онегина и Ленского:

«Куда? Уж эти мне поэты!»
 – Прощай, Онегин, мне пора.
 «Я не держу тебя; но где ты
 Свои проводишь вечера?»
 – У Лариных. — «Вот это чудно.
 Помилуй! и тебе не трудно
 Там каждый вечер убивать?»

Здесь фамилия включается в речь Ленского, употребляется в форме мн. ч. и относится к членам семьи покойного Дмитрия Ларина, т. е. к его супруге и дочерям. В силу общеизвестности упомянутых ономастических норм и очевидности пресуппозиции специально эксплицировать перенос фамилии с главы семейства на ее членов нет никакой необходимости: экспликация носила бы явно избыточный характер. Стоит заметить, что фамилия как ономастическая единица приобретает при употреблении в мн. ч. дополнительное собирательное значение. Она начинает именовать не простое множество носителей данной фамилии, а именно общность, единый семейный коллектив, группу лиц, объединенных близкородственными отношениями. В этом смысле очевидна разница между употреблением антропонима в мн. ч. без такого семантического «приращения», что в речевой коммуникации возможно, но встречается не так уж часто (как, например, в предложениях типа «В Екатеринбурге проживает 58 Лариных»), и при наличии этого добавочного семантического компонента, превращающего индивидуальный антропоним в групповой.

Третий раз фамилия встречается в четвертой строфе той же главы, снова в диалоге Онегина с Ленским — на обратном пути после посещения ими дома Лариных. Онегин мимоходом замечает:

А кстати: Ларина проста,
 Но очень милая старушка.

Референция онима легко устанавливается благодаря апеллятивной номинации: понятно, что из трех носительниц данной фамилии старушкой может быть названа лишь мать Татьяны и Ольги. Обратим внимание на то, что оба родителя

получают похожие, чуть ли не идентичные характеристики: «простой и добрый барин», «проста, но очень милая старушка». Впрочем, подробнее об этом речь пойдет дальше.

Таким образом, направление ономастической номинации фамилией таково: от обозначения главы семьи в прошлом через обозначение семьи как совокупности всех ее здравствующих членов к обозначению лица, ныне возглавляющего семью. Для каждого обозначения используется своя форма фамилии (*Ларин* — *Ларины* — *Ларина*).

Далее, вплоть до восьмой главы, ни в какие новые референциальные отношения антропоним не вступает. Он неизменно употребляется в форме мн. ч. для наименования всех членов семьи в совокупности или в форме ед. ч. для номинации старшей Лариной. При этом из речевых зон персонажей фамилия переходит в речевую зону нарратора:

Меж тем Онегина явленье
У Лариных произвело
На всех большое впечатленье
И всех соседей развлекло.

(Гл. 3, VI)

С утра дом Лариных гостями
Весь полон; целыми семьями
Соседи съехались в возках,
В кибитках, бричках и санях.

(Гл. 5, XXV)

И скоро звонкий голос Оли
В семействе Лариных замолк.
Улан, своей невольник доли,
Был должен ехать с нею в полк.

(Гл. 7, XII)

К несчастью, Ларина тащилась,
Боясь прогонов дорогих,
Не на почтовых, на своих,
И наша дева насладилась
Дорожной скукою вполне:
Семь суток ехали оне.

(Гл. 7, XXXV)

В последнем случае, хотя в путь отправились две носительницы данной фамилии (Татьяна и ее мать), референция антропонима однозначно устанавливается вследствие ряда контекстных и внеконтекстных факторов. Напомним,

что фамилия в данной форме уже была эксплицитно закреплена за старшей Лариной и позволяет сама по себе идентифицировать персонаж в двух эпизодах с ее участием, тогда как принадлежность этой фамилии Татьяне такого эксплицированного закрепления не получила и существует в виде импликации. Кроме того, определение референции поэтонима базируется на ряде имплицуемых пресуппозиций (после смерти мужа право и обязанность распоряжаться имуществом семьи обычно получает жена, а не какой-либо иной родственник усопшего; обязанность заботиться о будущем дочерей и устраивать их брачный союз также лежит на родителях; составить выгодную партию для дочери было легче в Москве, чем у себя в имении; оба родителя — или, по крайней мере, один из них — для соблюдения приличий и во избежание разного рода неприятностей должны были сопровождать дочь в подобной поездке; ехать в экипаже, запряженном собственными лошадьми, было дешевле, чем на казенных, но при этом гораздо медленнее, так как их нельзя было поменять на почтовых станциях и приходилось ждать, пока они отдохнут, и т. п.). В силу очевидности для читателя того времени они не нуждались в экспликации; современному читателю составителям комментариев в ряде случаев их приходится специально разъяснять.

Последнее упоминание фамилии *Ларина* имеет место в 18-й строфе восьмой главы, при разговоре князя с Онегиным на балу, где после длительной разлуки Онегин снова встречает Татьяну:

«Так ты женат! не знал я ране!
Давно ли?» — Около двух лет. —
«На ком?» — На Лариной. — «Татьяне!»
— Ты ей знаком? — «Я им сосед».

Здесь антропоним употребляется иначе, нежели во всех предыдущих случаях. Имплицуемая до этого момента принадлежность фамилии данной героине эксплицуется; употребляясь в рамках одного микроконтекста с главной, превалирующей, наиболее частотной номинацией персонажа (*Татьяна*), антропоним вступает с ней в синтагматические отношения, образуя смысловую оппозицию. И для Онегина, и для нарратора, и для читателя фамилия *Ларина* непривычна в функции называния героини, которая до этого момента неизменно номинировалась личным именем. При этом необходимо учесть, что к моменту, когда князь беседует с Онегиным, Татьяна, вышедшая замуж, должна была уже около двух лет носить фамилию супруга. В связи с этим упоминание ее прежней, девичьей фамилии, утраченной в браке, воспринимается как своеобразный анахронизм, сигнал из прошлого, необходимость которого, однако, обусловлена прагматическими факторами ситуации общения. Действительно, на вопрос Онегина, на ком женат князь, тот, само собой разумеется, не мог использовать в качестве ответа новую фамилию героини, принятую ею супругой от него самого, поскольку антропоним в этом случае оказался бы совершенно неинформативным. Он сигнализировал

бы о теперешнем статусе Татьяны, ставшей супругой князя, тогда как вопрос подразумевает ее идентификацию относительно иных фигур и событий, связанных с прошлым героини, ее добрачным статусом, ее принадлежностью к семье родителей. Привести, отвечая на вопрос Онегина, новую, а не прежнюю фамилию Татьяны было бы со стороны князя столь же неинформативно, как утверждать, что он женат на собственной жене. Естественно, не очень подошли бы для этой цели и личное имя с отчеством: такая номинативная единица вне сочетания с фамилией мало подходит для первичного представления носителя имени из-за недостаточной способности к последующей идентификации референта.

Таким образом, из восьми употреблений данной фамилии в романе ровно половина (четыре) приходится на номинацию семьи как единого коллектива, когда антропоним используется в функции группового, а не индивидуального ономастического знака. Трижды фамилия применяется к представителям старшего поколения семьи Лариных (дважды к матери Татьяны и Ольги и один раз — к отцу). Наконец, один раз этой фамилией именуется Татьяна, когда ситуация требует указать на ее связь со своим семейством в ситуации заочного представления. Младшая дочь Лариных, Ольга, вообще ни разу не названа в романе по фамилии, для ее номинации всегда используются различные формы личного имени. Исходя из этого, можно думать, что смыслообразующий потенциал данной фамилии будет проявляться прежде всего в характеристике номинируемой семьи как общности, а не в характеристике отдельных ее представителей, изъятых из этой общности и рассматриваемых вне связи с ней. Можно также предполагать, что характеристика персонажей их фамилией осуществляется на основе представления читателю старших Лариных, а на их дочерей формируемая в тексте характеристика распространяется для того, чтобы подчеркнуть в них отдельные качества личности, объединяющие их с родителями.

В. Н. Михайлов, изучивший черновые рукописи «Евгения Онегина», отмечает, что фамилия *Ларин* была найдена Пушкиным в самом начале и не изменялась в процессе дальнейшей переработки текста, тогда как в выборе личного имени главы семейства поэт сомневался: «Первая проба в черновой рукописи *Дм<итрий> Ларин* сменяется пропуском имени (*Под камнем сим — Ларин*), затем появляются варианты *Сава Ильич, майор Ильич*. В беловом тексте последовательно варьируются *Ант<оний>, Сава <?> Ларин, Сергей Ларин*, и, наконец, поиски завершаются подтверждением первоначальной формы — *Дмитрий*, которая и включается в известный текст надгробной надписи» [Михайлов, 1979, 41]. Таким образом, фамилия *Ларин*, найденная достаточно быстро, сразу показалась автору весьма подходящей для именованья как «простого и доброго барина», беспечно прожившего жизнь в кругу своей семьи и ближайших соседей, так и для именованья всего его семейства. Попытаемся раскрыть те принципы, на которые поэт опирался при выборе данного антропонима для номинации персонажа, не вдаваясь в выяснение вопроса, был ли этот авторский выбор осознанным,

отрефлектированным или интуитивным. Мы исходим из факта, что найденная фамилия сразу и окончательно устроила Пушкина в качестве наименования соответствующих персонажей и он в процессе работы над романом не сделал ни единой попытки как-либо изменить или заменить ее. Цель данной статьи мы видим в выявлении таких качеств данной фамилии, которые обусловили ее эффективность как элемента художественного произведения для реализации смыслообразующего потенциала поэтонимов.

Первым значимым фактором является *узальность* о н и м а. Он не создается автором, а заимствуется им из общерусского антропонимикона. Кстати, Пушкину был известен по крайней мере один человек, носивший такую фамилию. С отставным унтерцейг-вахтером Ильей Лариным Пушкин познакомился у И. П. Липранди во время своего пребывания в Кишиневе [Цявловский, 1991, 272] и поддерживал с ним некоторое время приятельские отношения. Впрочем, нужно четко разделять вопрос об источниках того или иного поэтонима (откуда писатель взял то или иное имя?) и вопрос о его художественных функциях. Даже если допустить, что Пушкин присвоил герою фамилию своего реального знакомого, из этого, конечно же, не следует делать вывод о сходстве персонажа с реальным носителем фамилии. То, что мы знаем об Илье Ларине из воспоминаний пушкинских современников, вряд ли позволяет говорить о содержательной близости образа «господнего раба и бригадира» к реальному облику пушкинского приятеля, незадачливого бражника, охотно принимающего на себя «роль шута в обществе офицеров» [Там же]. Поэт охотно использовал его фамилию, но не черты его образа, а потому причины выбора Пушкиным данного антропонима лежат, скорее всего, не в биографической, а в художественной плоскости.

Выбирая для своего героя узальную фамилию, автор «Онегина» останавливается отнюдь не на самой частотной, распространенной, подчеркнута типичной. Она отсутствует, к примеру, среди списка ста самых частотных в книге Б. О. Унбегауна «Русские фамилии», и даже в общем перечне рассматриваемых там фамилий ее нет [Унбегаун, 1989]. В то же время нельзя считать ее сколько-нибудь редкой, отклоняющейся в каком-либо смысле от общих закономерностей образования русских фамилий. Это не антропонимический экзотизм, а весьма типичная (но не подчеркнута типичная), достаточно распространенная (но все же не из самых употребительных) русская фамилия, которая благодаря этим своим качествам вполне подходит для номинации типизируемого персонажа. Интересно, что и личное имя для героя Пушкин подбирает, сообразуясь с теми же требованиями: имя *Дмитрий* (в его народной форме, отличающейся от церковно-канонической формы *Димитрий*) в первой трети XIX в. входило в число употребительных, но не относилось к самым распространенным. В этом отношении можно сослаться на подсчеты В. Д. Бондалетова, который, исследовав антропонимикон г. Пензы на материале личных мужских и женских имен различных временных срезов (XVIII — начало XX в.), приводит следующие данные: в 1761–1768 гг. (время, когда после рождения

мог получить имя пушкинский *Дмитрий Ларин*) из 840 детей мужского пола имя *Димитрий* получили 16, что позволило этому имени разделить с именем *Гаврила* 15–16 места по употребительности [Бондалетов, 1983, 115]. В 1790-е гг., как указывает исследователь, активно распространяется народная форма имени *Дмитрий*, а церковная форма *Димитрий* начинает постепенно уступать ей место [Там же, 117]. В первое десятилетие XIX в. имя *Дмитрий* по-прежнему находится в начале второго десятка по популярности; примерно такой же статус оно сохраняет и в следующее десятилетие [Там же, 118–119]. Итак, фамилия и личное имя пушкинского героя взаимно скоординированы и ориентированы на околоядерную область антропонимикона. Узуальность их направлена на формирование у читателя ощущения неакцентированной типичности, «обычности» и, следовательно, достоверности наименования.

Второй значимый фактор выбора фамилии — ее словообразовательная модель. Фамилия *Ларин* происходит от народных антропонимических форм *Ларя* или *Лара*, которые, в свою очередь, произведены от личного имени *Ларион*, восходящего к антропониму *Иларион* (от др.-греч. ἰλάρος ‘веселый, радостный’). А. В. Суперанская допускает возможность образования форм *Лара* и *Ларя* также от мужских и женских имен *Илар*, *Иларий*, *Илария*, *Лариса* [Суперанская, 2010, 162]. Добавим еще, что нельзя исключать возможности получения дериватов *Лара* и *Ларя* и от некоторых других созвучных им полных имен (например, *Лавр* или *Филарет*). Для образования фамилии использован формант *-ин*, который, по данным В. А. Никонова, будучи не слишком употребительным у прочих славянских народов, в русской антропонимии находится на втором месте по частотности, занимая на разных территориях от 20 до 35 % общего корпуса фамилий [Никонов, 2005, 113]. Так или иначе, происхождение фамилии от народной формы личного имени немаловажно, поскольку оно соответствует в словообразовательном аспекте тенденциям формирования русских фамилий, весьма значительная часть которых восходит к личным именам, и к народным формам этих имен в частности. Словообразовательная модель характеризует данную фамилию как типичную и с точки зрения производящего слова, и с точки зрения словообразовательных средств, используемых для создания фамилии. Еще важнее явственно ощутимая «простонародность», сниженная стилистическая окраска антропонимических форм, к которым восходит фамилия *Ларин*. Однако дело не только в их народно-разговорной окраске, но и в сложившихся речевых традициях использования подобных дериватов. Такие формы личных имен В. П. Берков называет уменьшительными именами первой степени¹ [Берков, 2005, 14]; они

¹ Отметим, что термин *уменьшительное имя первой степени*, на наш взгляд, не является удачным, так как подобные формы (*Юра, Лида* и т. п.), в сущности, не выражают никакого уменьшительного значения, а передают информацию о некоторых прагматических параметрах коммуникативного акта, характеризуя позиции коммуникантов.

употребляются обычно в различных ситуациях неформального общения между хорошо знакомыми людьми (родственниками, друзьями, соучениками, коллегами по работе и т. д.) и сигнализируют о меньшей дистанции между коммуникантами, чем та, которая характерна для использования полной формы имени. Эта способность мотивирующих фамилию дериватов характеризовать тип общения (официальный / неофициальный, формализованно-ритуальный / неформальный и т. д.) и статус участников коммуникации (возрастной, социальный, имущественный и т. д.) в рудиментарном виде сохраняется в производных от этих форм фамилиях и может быть использована для характеристики персонажа, носящего такую фамилию. Достаточно сравнить пушкинский антропоним с фамилиями *Ларионов* или *Иларионов*, тоже принадлежащими русскому антропонимикону, но восходящими к иным формам производящего имени, чтобы ощутить, насколько народнее, проще, непринужденнее звучит выбранная Пушкиным фамилия. Эта ясно ощущаемая непринужденная «народность» фамилии дополняет впечатление ее типичности, естественной простоты и помогает раскрыть характеризующий потенциал данного антропонима.

Нельзя не обратить внимания, что эта простота, естественность фамилии находит явное отражение в лексической структуре образа любого члена семьи Лариных. Более того, нередко поэтонимы, представленные разными формами фамилии, соседствуют в пределах одного микроконтекста (допустим, строфы) с апеллятивами с соответствующей семантикой. О Дмитрие Ларине, к примеру, говорится: «он был *простой* и добрый барин»; о его жене: «Ларина *проста*, но очень милая старушка»; всей семье Лариных Онегин, еще не знакомый ни с кем из ее членов (хотя, возможно, и слышавший о них от Ленского), дает такую — надо признать, весьма точную — характеристику:

Простая, русская семья,
К гостям усердие большое,
Варенье, вечный разговор
Про дождь, про лен, про скотный двор...
(Гл. 3, I)

Об Ольге сказано:

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда как утро весела,
Как жизнь поэта простодушна,
Как поцелуй любви мила...
(Гл. 2, XXIII)

Еще раз это качество характера Ольги упомянуто в сцене ее встречи с Ленским (после его ссоры с Онегиным):

Исчезла ревность и досада
Пред этой ясностию взгляда,
Пред этой нежной простотой,
Пред этой резвою душой!..

(Гл. 6, XIV)

Похожая характеристика дана и Татьяне:

За что ж виновнее Татьяна?
За то ль, что в милой простоте
Она не ведает обмана
И верит избранной мечте?
За то ль, что любит без искусства,
Послушная влечению чувства,
Что так доверчива она...

(Гл. 3, XXIV)

В письме Онегину (третья глава) непринужденная простота и естественная откровенность чувства упоминаются Татьяной как качества, присущие всей семье Лариных:

А мы... ничем мы не блесим,
Хоть вам и рады простодушно.

Отвечая на письмо Татьяны, уже Онегин подчеркивает это качество ее характера:

<...> и того ль искали
Вы чистой, пламенной душой,
Когда с такою простотой,
С таким умом ко мне писали?

(Гл. 4, XV)

Эту простоту и естественность природы героиня сохранила в себе и после замужества, когда ей пришлось погрузиться в светскую жизнь:

Она была нетороплива,
Не холодна, не говорлива,
Без взора наглого для всех,
Без притязаний на успех,
Без этих маленьких ужимок,
Без подражательных затей...
Все тихо, просто было в ней,
Она казалась верный снимок
Du comme il faut...

(Гл. 8, XIV)

Приведенные примеры составляют лишь часть тех, которые можно было бы привести в подтверждение характеризующих потенций фамилии. Добавим, что простота в понимании Пушкина, безусловно, положительное качество, поскольку лишь на ее основе возможна гармония личности с окружающим человека миром. Этой гармонии по-разному — в зависимости от своих характеров, взглядов и жизненных приоритетов — стараются достичь все члены семейства Лариных. Таким образом, фамилия, будучи соотнесена с элементами своего контекстного окружения, неявным образом выражает и аксиологическую характеристику данных персонажей со стороны автора.

Третий фактор, который мог иметь значение при выборе фамилии Пушкиным, — это возможность использования для характеристики героев этимологического значения личного имени *Иларион*, от которого произошли мотивирующие фамилию дериваты *Ларя* или *Лара*. Как было сказано выше, оно восходит к древнегреческому прилагательному *ἰλαρός* ‘веселый, радостный’. Впрочем, насколько поэт учитывал при номинации героев этот фактор, сказать трудно. Пожалуй, эту характеристику можно было бы отнести к отцу семейства, чей образ первым получает фамильное наименование, ибо беззаботное довольство его своей жизнью, отсутствие у него беспокойных амбиций и планов вполне ей соответствуют:

Но муж любил ее сердечно,
В ее затеи не входил,
Во всем ей веровал беспечно,
А сам в халате ел и пил.
Покойно жизнь его катилась...

(Гл. 2, XXXIV)

Можно в какой-то мере посредством этимологического значения исходного личного имени охарактеризовать и эмоциональное состояние его супруги, которая после первоначальных страданий и слез также находит удовлетворение в своей семейной жизни:

<...> Рвалась и плакала сначала,
С супругом чуть не развелась;
Потом хозяйством занялась,
Привыкла и довольна стала.
Привычка свыше нам дана:
Замена счастью она.

(Гл. 2, XXXI)

В то же время Ольга, чей образ в наибольшей степени соответствует характеризующему значению греческого слова («всегда как утро весела», «подобно ветреной надежде, резва, беспечна, весела» и т. п.), ни разу не именуется при

помощи данной фамилии; принадлежность ее Ольге так и остается импликацией на протяжении всего текста. По отношению к Татьяне подобная характеристика вообще не может быть применена, так как эмоциональный спектр ее образа совершенно иной. Трудно без натяжек отнести эту характеристику фамилии также ко всей семье Лариных как совокупности: слишком различны образующие ее личности. Вероятно, в данном случае можно вести речь об «угасании» приема, когда после осуществления характеристики при первичной номинации фамилией в дальнейшем повествовании контекст не поддерживает повторные акты характеристики внутренней формой или даже препятствует им.

Четвертый фактор, который, на наш взгляд, в наибольшей мере обусловил выбор исследуемой фамилии, — это ее а с с о ц и а т и в н а я а к т и в н о с т ь, т. е. способность образовывать ассоциативные ряды, позволяющие в общем контексте произведения определенным образом характеризовать носителей фамилии.

Первый из этих рядов строится вокруг соотношения фамилии с апеллятивом *ларь* ‘большой ящик для хранения разных вещей, продуктов (первоначально для хранения зерна, муки)’ [БАС, 9, 61–62]. Возможность такого соотношения обусловлена экспонентом фамилии: все три фонемы, образующие данный апеллятив, входят в состав фамилии, занимают в ней инициальную позицию, создают ее основу и тем самым делают данную ассоциацию весьма вероятной. Более того, вследствие достаточной редкости узуального деривата *Ларя* у читателя может возникнуть ложная мысль о прямой словообразовательной связи между апеллятивом *ларь* и фамильным онимом. Это, разумеется, не так: от подобных апеллятивов фамилия образуется с помощью форманта *-ев*, а не *-ин*; примеры реально существующих русских фамилий в этом убеждают. Так, от апеллятива *царь* (через прозвищный этап) образуется фамилия *Царев*, а не *Царин*, от *псарь* — *Псарев*, от *пономарь* — *Пономарев*, от *пушкарь* — *Пушкарев*, от *золотарь* — *Золотарев*, от *цеботарь* — *Чеботарев* и т. п. Таким образом, от апеллятива *ларь* ожидалась бы фамилия *Ларев*, а не *Ларин*. Тем не менее, повторимся, ассоциативное соотношение фамилии *Ларин* с именем нарицательным *ларь* крайне вероятно.

Ассоциация фамилии и апеллятива в значительной степени определяет восприятие и оценку поэтонимов. *Ларь* — разновидность сундука; от последнего он отличается «упрощенностью форм и отсутствием украшений», так как «ларь предназначался для хранения менее ценных вещей: утвари и съестных припасов» [Ларь]. *Лари* в пушкинское время — вполне типичный атрибут мещанской и крестьянской жизни. Особенно распространены они были в деревенском быту, где сам уклад жизни требовал наличия емкостей для хранения различных сельскохозяйственных продуктов, а также кухонной утвари. Таким образом, денотат этого апеллятива ассоциировался с простым, деревенским, народным укладом, и это устойчивое представление начинает неявно характеризовать образ жизни семейства Лариных, которые «хранили в жизни мирной привычки милой старины». При этом данная ассоциация находит опору в других

элементах лексической структуры персонажей². Образ жизни, который ведет семья Лариных, истинно народный, исконно русский, лишенный новомодных веяний и претензий:

Они хранили в жизни мирной
 Привычки милой старины;
 У них на масленице жирной
 Водились русские блины;
 Два раза в год они говели;
 Любили круглые качели,
 Подблюдны песни, хоровод;
 В день Троицын, когда народ,
 Зевая, слушает молебен,
 Умильно на пучок зари
 Они роняли слезки три;
 Им квас как воздух был потребен,
 И за столом у них гостям
 Носили блюда по чинам.

(Гл. 2, XXXV)

Данная ассоциация вполне коррелирует с задаваемыми словообразовательной связью поэтонима характеристиками, о которых речь шла выше.

Еще одна периферийная сема лексемы *ларь* связана с функцией данного предмета. Поскольку ларь служил для хранения чего-либо и был бесполезен, если ничем не был заполнен, то с ларем ассоциируется изобилие и благополучие в деревенском доме. Когда ларь был полон, крестьянской семье не угрожал голод.

Все эти ассоциативные потенции апеллятива в контексте произведения приобретают характеризующую функцию, оставаясь при этом на заднем плане узуальной, привычной русской фамилии и составляя ее ассоциативный фон. Основные характеристики представителей старшего поколения семьи Лариных и всего семейства в целом, акцентированные данным ассоциативным рядом, — это «простой», «безыскусный», «народный», «живущий в изобилии и довольстве».

При этом характеристика персонажей поэтонимами выводится за пределы рационального, отрефлексированного восприятия, приобретая неосознаваемый характер. Читатель может ощущать естественность данной фамилии для носящих ее персонажей, чувствовать, что она прекрасно «подходит» для них, и при этом оценивать ее как реальную, такую, как в жизни, а не приклеенную автором к персонажу этикетку, указывающую на его «суть».

Второй ассоциативный ряд, существенный для восприятия данной фамилии, соотносит ее с римскими *ларами*. Лары в римской мифологии — покровители

²Под лексической структурой персонажа понимается совокупность лексических средств, использованных автором текста для формирования образа персонажа в сознании читателя.

семьи и дома, добрые духи умерших родственников. «Римляне выводили культ ларов из культа мертвых. Семейные лары были связаны с домашним очагом, семейной трапезой, с деревьями и рощами, посвящавшимися им в усадьбе. Считалось, что они следят за соблюдением традиционных норм во взаимоотношениях членов фамилии, наказывают нарушителей <...> Глава фамилии был верховным жрецом культа ларов» [Мелетинский, 1990, 306]. «Словарь языка Пушкина» отмечает пять случаев употребления этого слова в его текстах [СЛЯП, 2, 475]. Очень часто в русской поэзии *лары* смешивались с *пенатами* — богами-покровителями домашнего очага у древних римлян. Зафиксировано 12 случаев употребления этого слова в пушкинских произведениях [СЛЯП, 3, 306]. В «Евгении Онегине» *лары* не упоминаются ни разу, а слово *пенаты* появляется во второй главе — в первой строке 37-й строфы:

Своим пенатам возвращенный,
Владимир Ленский посетил
Соседа памятник смиренный,
И вздох он пеплу посвятил...

Отсутствие упоминания ларов в пушкинском романе понятно: употребление этого слова в одном контексте с фамилией *Ларины* делало бы ассоциативную связь слишком очевидной для читателя, обнажая авторский замысел и уменьшая степень реалистической естественности поэтонима.

В то же время нельзя не обратить внимания на ряд деталей, осторожно поддерживающих и укрепляющих эту ассоциативную связь. Во-первых, интродукция поэтонима *Ларин* связана с эпитафией. Фамилия называет умершего главу семейства, а по верованиям древних римлян, лары являются добрыми духами умерших родственников. В этом смысле «господний раб и бригадир» Дмитрий Ларин может быть осмыслен как *lar familiaris* для всего семейства Лариных. Во-вторых, на мысль о ларах наводит упоминание пенатов в 37-й строфе, которая следует непосредственно за строфой, где впервые появляется фамилия *Ларин*. Использование в рамках одного контекста лексем *Ларин* и *пенаты* вполне может инициировать в сознании читателя формирование ассоциативной связи *Ларин* — *лары*, тем более что смешение, неразличение ларов и пенатов в литературе пушкинской эпохи — дело вполне обычное. Пенаты при этом часто воспринимаются не только как хранители домашнего очага, но и как покровители дома и семьи, т. е. принимают на себя функции ларов.

За счет данного ассоциативного ряда поэтоним также приобретает характеризующую силу. Выступая как коллективный антропоним, фамилия *Ларины* называет всё семейство в совокупности. Ассоциация с ларами формирует представление о благополучном, безбедном, мирном существовании в собственной усадьбе среди лесов и полей, о жизни, которая защищена от невзгод и потрясений высшими силами.

Таким образом, ассоциативный фон данного поэтонима формируется двумя основными рядами, один из которых направлен на бытовую сферу, другой же «выводит» в сферу мифологии и поэзии. Будучи разнонаправленными, ассоциаты *ларь* и *лары* тем не менее явно коррелируют между собой. Они характеризуют членов семьи Лариных схожим образом и дополняют друг друга. Нужно сказать, что поэтизация простого деревенского быта, изображение жизненного уклада дворянского семейства с эстетических позиций, выявление красоты в повседневном существовании в полной мере соотносятся с поэтикой пушкинского романа. В качестве примера можно привести сцену вечернего чаепития в семействе Лариных:

Смеркалось; на столе, блистая,
Шипел вечерний самовар,
Китайский чайник нагревая;
Под ним клубился легкий пар.
Разлитый Ольгиной рукою,
По чашкам темною струею
Уже душистый чай бежал,
И сливки мальчик подавал...

(Гл. 3, XXXVII)

Пятый фактор, немаловажный для ритмически организованного текста и поэтому, возможно, повлиявший на выбор поэтом фамилии персонажей, — это слоговая структура о н и м а. Мужская форма фамилии *Ларин* представляет собой хорейческую стопу, женская и коллективная формы *Ларина* / *Ларины* образуют дактилическую стопу. Обе, с одной стороны, легко укладываются в четырехстопный ямб, которым написан пушкинский роман, а с другой — позволяют разнообразить метрическую структуру стиха за счет пиррихийев. Отношение слоговой структуры поэтонимов к метрике произведения как фактор выбора наименования для персонажей не следует недооценивать: выбранная фамилия должна легко и ловко ложиться в поэтическую строку.

Наконец, шестым фактором, определившим эстетический потенциал данной фамилии и повлиявшим на ее выбор для номинации персонажей, являются фонетические качества ее экспонента. Каждый из поэтонимов *Ларин* / *Ларина* / *Ларины* представляет собой графический и фонетический комплекс, обладающий определенным изобразительным потенциалом, который может быть выявлен методами, разработанными в рамках фоносемантики. Для выявления потенциала поэтонимов применим методика, предложенную А. П. Журавлевым в ходе его фоносемантических исследований и экспериментов [Журавлев, 1981]. Для подсчетов используем количественные параметры звукобукв, полученные А. П. Журавлевым после обработки результатов многочисленных опросов и приведенные в указанной книге [Там же, 154–159].

Экспоненты³ поэтонимов оказались весьма выразительными с точки зрения их фоносемантических качеств. Так, экспонент фамилии *Ларин* демонстрирует отклоняющиеся от среднего значения оценки по десяти шкалам из 25 предлагаемых в работе А. П. Журавлева; экспонент *Ларина* имеет такие оценки по одиннадцати шкалам, а экспонент *Ларины* — по восьми.

Экспонент *Ларин* характеризуется как «хороший» (оценка 2,12), «большой» (2,45), «активный» (2,42), «сильный» (2,49), «величественный» (2,24), «яркий» (2,27), «радостный» (2,32), «громкий» (2,30), «храбрый» (2,35) и «могучий» (2,28). Очень близкие параметры по всем этим шкалам имеет экспонент *Ларина*. Он оценивается как «хороший» (2,09), «большой» (2,41), «активный» (2,40), «сильный» (2,50), «величественный» (2,23), «яркий» (2,25), «радостный» (2,30), «громкий» (2,28), «храбрый» (2,32) и «могучий» (2,26). Кроме того, этот экспонент имеет оценку «красивый» (2,49). Чуть меньшим фоносемантическим потенциалом обладает экспонент *Ларины*. Он получил следующие оценки: «хороший» (2,44), «большой» (2,29), «сильный» (2,49), «величественный» (2,43), «громкий» (2,32), «храбрый» (2,44), «могучий» (2,33), «медленный» (3,54).

Обращает на себя внимание аксиологическая окрашенность большинства этих параметров. Она подразумевает положительное восприятие экспонентов реципиентами. Действительно, такие признаки экспонентов, как «хороший», «сильный», «величественный», «яркий», «радостный», «храбрый», «могучий», «красивый», предполагают позитивную их оценку. На этом фоне и другие признаки, сами по себе не выражающие однозначно положительной оценки, начинают восприниматься скорее положительно («большой», «активный», «громкий»).

Важно правильно интерпретировать полученные результаты. Прежде всего необходимо отвергнуть мысль о том, что фоносемантические свойства экспонентов используются автором романа для непосредственной характеристики персонажей. В самом деле, сколько-нибудь убедительную корреляцию между качествами экспонента поэтонима и качествами номинируемого персонажа обнаружить затруднительно. Так, персонаж с фамилией *Ларин* из десяти демонстрируемых экспонентом оценок может быть охарактеризован разве что по двум: «хороший» и «радостный». Остальные оценки либо не соответствуют свойствам персонажа, либо даже противоречат им. Так, текст не дает оснований воспринимать его как «большого», «величественного», «громкого», «храброго», «могучего». Персонаж не является «активным» и «сильным», а скорее наоборот: он безропотно подчинился жене, передав ей ведение всех дел и наслаждаясь безмятежным покоем. Нельзя назвать *Ларина* «ярким», это «простой и добрый барин», вполне обыкновенный по своим привычкам и образу жизни; он скорее типичный, заурядный, чем яркий. Аналогично дело обстоит с характеристиками *Лариной* и всего семейства

³ Под *экспонентом поэтонима* понимается графический и фонетический комплекс, представляющий собой некоторую последовательность графем (букв) или фонем.

Лариных в совокупности. Показательно, что на шкале «простой / сложный» все экспоненты находятся в нейтральной зоне: *Ларин* (3,00), *Ларина* (2,92), *Ларины* (3,02), хотя именно простота, обыкновенность, типичность, как было показано выше, выдвигаются автором на первый план при характеристике старших Лариных. Аналогичным образом в нейтральной зоне остаются оценки экспонентов по школе «добрый»: *Ларин* (3,09), *Ларина* (3,03), *Ларины* (3,01).

Поэтому нужно признать, что фоносемантические качества, присущие экспонентам разных форм фамилии, используются писателем отнюдь не для характеристики персонажей, а для совсем другой цели. Экспоненты влияют на восприятие образов персонажей, формируя положительное отношение к простому русскому семейству и передавая симпатию, с которой автор (в отличие от охваченного хандрой главного героя) изображает его членов. Достаточно сравнить фамилию *Ларины* с фамилиями их соседей, съехавшихся на именины Татьяны, чтобы убедиться, что аксиологически эти фамильные антропонимы совершенно различны. Внутренняя форма фамилий гостей, интертекстуальные переключки, фонетический облик экспонентов маркируют негативную, сатирически заостренную аксиологическую окраску соответствующих образов. *Пустяковы*, *Скотинины*, напоминающие о персонажах «Недоросля», «уездный франтик Петушков», *Буянов*, отсылающий к тексту «Опасного соседа» В. Л. Пушкина, *Панфил Харликов*, «отставной советник Флянов», *мосье Трике* (в переводе с французского букв. «битый палкой», «поколоченный дубиной»: ср. франц. *trique* ‘дубина’, *triquer* ‘колотить’ [Ганшина, 1979, 853]) — все эти поэтонимы окрашены сугубо отрицательно. На их фоне онимы *Ларин* / *Ларина* / *Ларины*, обладающие положительно окрашенным экспонентом и лишённые «компрометирующих» интертекстуальных отсылок, воспринимаются так, как воспринимались бы вполне симпатичные портреты на фоне едких карикатур.

Перечисленные факторы обуславливают художественную значимость фамилии, избранной Пушкиным. Они позволяют автору, избежав прямой, откровенно декларируемой характеристики персонажей, соблюдая все требования к достоверности и реалистичности наименований героев, вызвать у читателей ощущение, что фамилия очень подходит «простому русскому барину» и его семейству. Вряд ли стоит сомневаться, что и у самого поэта было это ощущение, поскольку удачно найденная фамилия ни разу не была им зачеркнута, заменена на какую-то другую, а значит, с момента своего включения в текст в полной мере устроила автора.

Источники

БАС — Большой академический словарь русского языка / ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд и др. М. ; СПб. : Наука, 2004—. Т. 1—.

Берков В. П. Русские имена, отчества и фамилии: Правила употребления. М. : Высшая школа, 2005.
Ганшина К. С. Французско-русский словарь. М. : Русский язык, 1979.

- Ларь // Википедия : [сайт]. URL: <https://ru.wikipedia.org/?oldid=97731161> (дата обращения: 12.08.2019).
- Мелетинский, 1990 — Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М. : Советская энциклопедия, 1990.
- Пушкин А. С. Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов // Пушкин А. С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 6. М. : ГИХЛ, 1962. С. 76–83.
- СЛЯП — Словарь языка Пушкина : в 4 т. / отв. ред. В. В. Виноградов. 2-е изд., доп. М. : Азбуковник, 2000.
- Суперанская А. В. Словарь народных форм русских имен. М. : Книжный дом, 2010.
- Цявловский, 1991 — Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина (1799–1826) / сост. М. А. Цявловский. Л. : Наука, 1991.

Исследования

- Благой Д. Д. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. Т. 4. М. : ГИХЛ, 1960. С. 513–553.
- Бондалетов В. Д. Русская ономастика. М. : Просвещение, 1983.
- Журавлев А. П. Звук и смысл. М. : Просвещение, 1981.
- Михайлов В. Н. Антропонимия «Евгения Онегина» А. С. Пушкина (Наблюдения над творческой историей и ролью собственных имен в романе) // Русский язык в школе. 1979. № 1. С. 41–43.
- Никонов В. А. География фамилий. М. : КомКнига, 2005.
- Унбегаун Б. О. Русские фамилии / пер. с англ. М. : Прогресс, 1989.

Рукопись поступила в редакцию 10.03.2021

* * *

Фомин Анатолий Аркадьевич

кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка, общего
языкознания и речевой коммуникации
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: ant@isnet.ru

Fomin, Anatoly Arkadievich

PhD, Associate Professor
Department of Russian Language, General
Linguistics and Verbal Communication
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia
Email: ant@isnet.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8610-0552>

Anatoly A. Fomin

Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

ONOMASTICS IN PUSHKIN STUDIES: THE NAMES *LARIN, LARINA, LARINY* IN *EUGENE ONEGIN*

The paper discusses the literary proper names *Larin, Larina, Lariny* (the Larins) from Pushkin's novel *Eugene Onegin*, aiming to identify the most important factors behind the choice of this surname. To this end, the researcher establishes a reference for each of the poetonyms, considers their distribution in the text, examines the contexts of the primary and repeated

character naming, and explores the semantic potential of these names for characterization and revealing the author's attitude to his characters. The study has identified six factors that determined the relevance of poetonyms in the given work and, respectively, explain their choice by the writer. The first factor is the commonality of usage which adds to the realism and credibility of the literary image. Another significant factor is the word-formation pattern the name follows. The surname *Larin* comes from the folk anthroponymic forms *Larya*, *Lara*, which, in turn, are derived from the personal name *Larion* that goes back to the anthroponym *Ilarion* (from ancient Greek ἰλαρός, 'cheerful, joyful'). The third factor is related to using the etymological meaning of the personal name *Ilarion* for characterization purposes. The fourth factor is its associative flow, that is, the ability to trigger associations that describe the surname bearers in the general context of the work. This associative background of the poetonyms evolves in two possible directions: *Larin* (-a, -y) — *lar'* and *lary*. Both of these perform characterization functions, affecting the reader's understanding of the poetonym. The fifth factor is the syllabic structure of the surname. The male form *Larin* is a choreic foot, the female and collective forms of *Larina* / *Lariny* form a dactylic foot. Both easily fit into the iambic tetrameter used in Pushkin's novel. The sixth factor is the phonetic aspect of the surname. The phonosemantic analysis of the poetonyms provides convincing evidence that their exponents have positive ratings across a number of scales. The positive axiological coloring of these poetic names contrasts with the negative coloring of the names of other landowners, which is consistent with the author's assessment of the characters.

К е y w o r d s: literary onomastics, poetic onomastics, literary name, poetonym, proper name in a literary text, poetics of name, phonosemantics, associative background of the poetonym, Pushkin, *Eugene Onegin*.

Blagoy, D. D. (1960). Evgenii Onegin [Eugene Onegin]. In A. S. Pushkin, *Sobranie sochinenii* [Collected Works] (Vol. 4, pp. 513–553). Moscow: GIKhL.

Bondaletov, V. D. (1983). *Russkaia onomastika* [Russian Onomastics]. Moscow: Prosveshchenie.

Mikhaylov, V. N. (1979). Antroponimiia "Evgeniia Onegina" A. S. Pushkina (Nabliudeniia nad tvorcheskoi istoriei i rol'iu sobstvennykh imen v romane) [Personal Names in *Eugene Onegin* by Alexander Pushkin (Observations on the Creative History and the Role of Proper Names in the Novel)]. *Russkii yazyk v shkole*, 1, 41–43.

Nikonov, V. A. (2005). *Geografiia familii* [Surname Geography]. Moscow: KomKniga.

Unbegaun, B. O. (1989). *Russkie familii* [Russian Surnames]. Moscow: Progress.

Zhuravlev, A. P. (1981). *Zvuk i smysl* [Sound and Meaning]. Moscow: Prosveshchenie.

Received on 10 March 2021